

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

А. В. ФАДЕЕВ

ГЕРОИ МАЛОЙ ЗЕМЛИ

«ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ»

А. В. Фадеев

ГЕРОИ МАЛОЙ ЗЕМЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва . 1957

Никогда не забудет советский народ замечательные подвиги героев Малой Земли, в течение семи месяцев отстоявших плацдарм Мысхако близ Новороссийска.

Оборона этого плацдарма, находившегося в тылу врага, значительно облегчила в сентябре 1943 г. войскам Советской Армии в короткий срок ликвидировать новороссийскую группировку противника и приступить к освобождению Крыма.

Брошюра эта представляет собой не военно-оперативный разбор боевых действий, а живой рассказ о стойкости и мужестве советских людей. Она познакомит читателя с биографией и боевым путем талантливого советского офицера Героя Советского Союза Цезаря Куникова. Многие страницы посвящены героизму, находчивости и доблести моряков и солдат, славных защитников Малой Земли.

Автор брошюры — участник Великой Отечественной войны, доктор исторических наук.

Иллюстрации воспроизведены с фотодокументов, хранящихся в фондах Центрального Музея Советской Армии.

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва В-71, Б. Калужская, 15, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

У подножья Кавказского хребта, на берегу обширной и глубокой Цемесской бухты, стоит город Новороссийск. С запада эту бухту защищает от морских ветров полуостров Мысхако. Он образован отрогами Кавказских гор, которые здесь вплотную подходят к Черному морю.

Мысхако — старое название. Теперь эту местность называют иначе — Малая земля. Здесь есть виноградарский совхоз. К нему от южной окраины Новороссийска стелется меж прибрежных холмов серая лента шоссе. Примерно на полпути справа от дороги стоит скромный памятник — на невысоком постаменте боец с автоматом и зажатой в руке пилоткой, а возле него кудрявая девочка с букетом цветов.

Отсюда, если посмотреть вдаль, хорошо виден противоположный берег Цемесской бухты, где днем и ночью дымят высокие трубы цементных заводов. Над ними круто поднимается стена лесистых гор с большими площадями каменных осыпей. Одна из вершин — Сахарная Голова — особенно выдается над скалистым гребнем.

Прямо перед памятником, на этой стороне бухты, расстилается холмистая, рассеченная балками предгорная равнина. Она тянется на север до самой окраины города, до светлых и пестрых домиков рыбацкого поселка, что избегают от берега бухты по склону горы. Прежде этот поселок называли Станичкой. Теперь зовут Куниковкой.

Скупая щебневатая почва. Сухая, жесткая трава, опаленная солнцем. Отдаленный шум морского прибоя. Легкий бриз — ветерок, дующий ночью с гор, а днем — с моря. Впереди — недвижные громады гор, позади — необозримая морская ширь, и над всем — высокое спокойное небо.

Вот здесь и сражались герои Малой земли. Им и поставлен этот скромный памятник у дороги на Мысхако.

Это были простые люди в матросских бушлатах, в солдатских шинелях, но велика была их преданность Родине, неистощима сыновняя любовь к ней. Они не щадили ни сил, ни крови, ни самой жизни в борьбе за ее свободу и независимость.

Навсегда останутся в памяти советского народа мужественные образы героев Малой земли. Никогда не померкнет слава их боевых подвигов. Об их воинской доблести, о непоколебимой верности их своему патриотическому долгу и рассказывает эта книжка.

ГРОЗА НАД КАВКАЗОМ

Шли сражаться отцы и сыны
За родные просторы,
За Кавказские горы,
За могучее сердце страны.

Солдатская песня

Шел второй год Великой Отечественной войны. Он принес нашей стране немало тяжелых испытаний.

В мае 1942 года неудачи под Харьковом и в Крыму ослабили южное крыло Советской Армии. Пользуясь этим, враг сосредоточил крупные силы на южном участке фронта и перешел в наступление. Отсутствие второго фронта в Западной Европе благоприятствовало этому.

В середине июля немецко-фашистские войска прорвались в большую излучину Дона. Отсюда они двинулись по расходящимся направлениям: одна группа — на Сталинград, другая — на Кавказ. К концу июля танковые и моторизованные дивизии врага форсировали Дон, захватили Ростов и устремились через кубанские и ставропольские степи к предгорьям Северного Кавказа. К моменту переправы через Дон они имели численное превосходство над советскими войсками: по пехоте — почти в два раза, по артиллерии и минометам — более чем в два раза, по танкам — в девять раз и по авиации — почти в восемь раз.

Обладая большим перевесом в технике, враг быстро продвигался вперед и захватывал обширные степные районы, тесня отступавшие советские части и не давая им закрепиться на новых рубежах. Гитлеровские генералы хотели во что бы то ни стало окружить и уничтожить оборонявшиеся здесь советские войска, не допустив их отхода в полосу предгорий Кавказского хребта.

Однако отходившие с боями части Советской Армии сдерживали натиск вражеских полчищ, преграждая им путь к кавказской нефти, к черноморским портам.

В разгар тяжелых боев на подступах к Кавказу центральный орган нашей партии газета «Правда» писала:

«Тот, кому дороги интересы Родины, отступить не может. Тот, кто без упорного сопротивления, без использования всех возможностей для сопротивления врагу уступает свои позиции, отдает на поругание врага родную землю,— тот нарушает клятву советского воина, тот совершает преступление перед советским народом... Стойкость, стойкость и еще раз стойкость — вот что сейчас требуется от советского бойца... Стойкость — мать победы!...»

И, следуя призыву партии, советские бойцы усиливали сопротивление врагу. Бои в степях и предгорьях Северного Кавказа принимали все более ожесточенный характер.

Попытки врага окружить и разгромить советские войска между Доном и Кубанью, а затем между Кубанью и Кавказскими горами не удались. Темп наступления гитлеровских механизированных и моторизованных дивизий начал заметно снижаться. Они были задержаны на рубеже Терека, на подступах к Орджоникидзе и Грозному. Не смогли они прорваться и на Западном Кавказе, по направлению Майкоп — Туапсе.

Правда, в начале сентября 1942 года врагу удалось захватить Анапу и выйти в район Новороссийска. Отсюда он рассчитывал быстро продвинуться вдоль побережья Черного моря, чтобы подойти к Туапсе со стороны Новороссийского шоссе, а затем, развивая наступление на Сочи — Сухуми, вторгнуться в Закавказье. Но и этим замыслам противника не было суждено осуществиться. Под Новороссийском он встретил возросшее сопротивление советских войск.

В те дни у убитого фашистского солдата Людвиг Бауера было найдено не отправленное на родину письмо, в котором он писал:

— Мы находимся в двадцати километрах от Новороссийска. Город хорошо защищается русскими. Позавчера нам пришлось очень туго. Нас почти обескровили. Вчера нас отвели, ибо в каждой роте нашего батальона осталось в среднем по 20 человек.

Под Новороссийском завязались тяжелые, кровопролитные бои.

Этот большой промышленный и портовый город имел славные революционные и боевые традиции. Новороссийск — город потомственных пролетариев и отважных моряков. В 1905 году они подняли знамя восстания, овладели городом и провозгласили Новороссийскую республику, передав власть Совету рабочих депутатов. В 1918 году Новороссийск стал оплотом борьбы за Советскую власть в Кубано-Черноморье. Здесь революционные матросы потопили свои корабли, чтобы не сдавать их германским оккупантам, а сами пошли сражаться на фронты гражданской войны. Здесь героически боролась против белогвардейцев подпольная большевистская организация, руководившая действиями красных партизан в горах Западного Кавказа. И когда Новороссийску в 1942 году стали угрожать наступавшие немецко-фашистские дивизии, моряки и рабочие поднялись как один на защиту родного города.

В поредевшие части Советской Армии, отходившие с Кубани, влились батальоны и целые бригады морской пехоты, сформированные из военных моряков Черноморского флота. Плечом к плечу с матросами и солдатами сражались на подступах к Новороссийску, на улицах города бойцы народного ополчения, истребительных батальонов, только что сформированных партизанских отрядов.

Дорого платили фашистские захватчики за каждый шаг своего продвижения по улицам Новороссийска.

...Вот вражеские автоматчики проникли на Октябрьскую площадь. Только хотели они пересечь ее, чтобы ворваться в новый квартал, как откуда-то сверху ударил пулемет. В панике заматались фашисты, теряя одного за другим своих автоматчиков. Оказалось, что матрос Гришин заранее втащил свой «Максим» на башню одного из уцелевших зданий и оттуда стал косить вражеских солдат, как только они появились на площади.

Прорвавшись в центр города, гитлеровцы вышли на Театральную улицу. Они рассчитывали быстро продвигаться вперед по этой магистрали. Но советские моряки дали им здесь такой отпор, что напряженный бой на этой улице не стихал целые сутки. Особенно отличились здесь моряки Карноченко и Мелкадзе. Выбрав удобную позицию, они метким огнем сдерживали натиск врага.

По улицам загрохотали вражеские танки. Но защитники Новороссийска упорно боролись и против бронированных машин противника. Один из танков двигался на дом, где оборонялись старшина Тимофей Кузнецов и два матроса: Квитко и Быстров. Позади танка перебежали семеро автоматчиков и три офицера. Доблестные моряки подпустили фашистский танк на близкое расстояние, подорвали его, а затем уничтожили офицеров и солдат, которые продвигались вслед за ним.

Многие из новороссийских партизан открыли свой боевой счет по истреблению фашистских захватчиков еще в те дни, когда бои шли на улицах их родного города. Они помогали регулярным частям Советской Армии отстаивать предместья и городские кварталы Новороссийска.

На пятый день ожесточенных боев, 10 сентября, врагу удалось захватить порт и центральную часть города, но на восточной окраине Новороссийска он был остановлен и продвинуться дальше вдоль берега Черного моря не смог уже ни на шаг.

В яростных, кровопролитных атаках противник истощил свои силы. Отборные дивизии 17-й немецко-фашистской армии понесли в боях за Новороссийск огромные потери. Их наступательный порыв был подорван. В результате обе стороны перешли здесь к позиционным действиям, то есть зарылись в окопы, засели в каменных щелях, в железобетонных укрытиях, загородились колючей проволокой, заминировали все подступы к занятым рубежам. На узкой полосе побережья между крутыми обрывами скал и морем гитлеровцы не могли использовать свое превосходство в танках и авиации. Как пересекла эту прибрежную полосу линия фронта в раскаленные сентябрьские дни 1942 года, так и осталась она здесь без изменений на долгие месяцы.

Уже после того, как отгрохотали бои и отшумела военная гроза, в районе цементного завода «Октябрь» на восточной окраине Новороссийска был сооружен своеобразный памятник. В том месте, где проходила линия фронта, на специальном постаменте установили почерневший остов разбитого и сожженного товарного вагона. Он стоит и сейчас, как немой свидетель минувших событий, напоминая о стойкости советских людей, о бесплодности усилий врага, о крахе его захватнических замыслов.

Итак, враг был остановлен. Он не смог продвинуться дальше на юг. Он не смог использовать новороссийский порт для своих военных перевозок, потому что восточный берег Цемесской бухты находился в наших руках, а сама бухта — под обстрелом советской артиллерии. По той же причине враг не мог воспользоваться промышленными предприятиями Новороссийска, в частности его знаменитыми цементными заводами.

Город находился на линии фронта. В прошлом густонаселенный и шумный, он казался теперь почти мертвым. Большинство населения покинуло полуразрушенные кварталы. Многие жители ушли сами, других выгнали фашистские оккупанты. В листовке новороссийских партизан, распространенной в декабре 1942 года, говорилось:

«Вот уже три месяца, как немецкие захватчики хозяйничают в нашем городе и наводят свой так называемый «новый порядок». Они нарушили нашу счастливую и радостную жизнь, превратив ее в сплошной кошмар. Тысячи жителей города под угрозой расстрела, кнута и палки... угоняются на работы. Сотни советских активистов узнали застенки гестапо и после мученических пыток убиты...»

Днем по пустынным улицам Новороссийска бродили, озираясь, одни только гитлеровцы. На стенах разбитых домов ветер трепал плакаты с надписями на немецком и исковерканном русском языках: «Каждый штацкий, находящийся на территории города, будет расстрелян...»

Но по ночам среди руин то и дело раздавались выстрелы, иногда слышались взрывы ручных гранат. Это действовали народные мстители — партизаны. Всего в районе Новороссийска вели вооруженную борьбу с врагом пять партизанских отрядов, которые носили названия: «Норд-Ост», «Гроза», «Ястребок», «Новый», «За Родину». Они были созданы городским комитетом партии накануне боев за Новороссийск. В их составе были рабочие и служащие железнодорожной станции, порта, судоремонтного и других заводов. Кроме того, непосредственно в самом городе действовала подпольная группа, объединявшая до 30 коммунистов. Руководителем этой группы был Степан Григорьевич Островерхов — коммунист, рабочий завода «Красный двигатель».

Ни на один день не прекращали своего губительного для врага огня советские воины, прочно занимавшие обо-

ронительный рубеж на восточной окраине Новороссийска. И точно так же ни на один день не оставляли в покое фашистских захватчиков действовавшие в их ближайшем тылу советские партизаны. Жесткой была черноморская земля для гитлеровцев. Камни горели у них под ногами в оккупированном Новороссийске.

Шли недели, складывались в месяцы. Солнечная южная осень сменилась сырой и промозглой черноморской зимой. Снегом оделись склоны горных вершин. Из ущелий задули на побережье свирепые ветры. На море закипели штормы.

В один из хмурых ноябрьских дней радио принесло радостную весть. На заснеженных просторах донских и приволжских степей началось великое наступление Советской Армии. Было успешно осуществлено окружение крупной группировки фашистских войск под Сталинградом и начато ее уничтожение. Теперь уже советские танки двигались дорогами побед в большой излучине Дона. Линия фронта, судорожно изгибаясь, с каждым днем все быстрее отодвигалась на запад.

Коренной перелом в ходе войны, достигнутый под Сталинградом, заметно изменил обстановку и на Кавказе. В январе 1943 года развернулось наступление советских войск в степях и предгорьях Ставропольского края. Пытаясь вывести свои части из-под удара и спасти их от полного разгрома, противник поспешно отступал на северо-запад. Преследуя врага, советские войска прошли с боями за 30 дней около 700 километров, от реки Терек до Азовского моря. Гитлеровцы пытались удержаться на Кубани, но в середине февраля были выбиты из Краснодара и отброшены на запад к морю. Они успели укрыться на Таманском полуострове, где ими заранее были подготовлены укрепленные позиции, носившие название «Голубая линия».

Левый фланг «Голубой линии» упирался в Азовское море восточнее Темрюка, а правый — в Черное море у Новороссийска. Этот опутанный колючей проволокой, изрытый траншеями, полуразрушенный город служил одним из главных опорных пунктов того оборонительного рубежа, на котором закрепились отступившие с Северного Кавказа войска 17-й немецко-фашистской армии.

Удерживая за собой Таманский полуостров и прибрежный район Новороссийска, гитлеровцы надеялись

использовать этот выгодный плацдарм для новых наступательных операций в будущем. Они все еще мечтали, что летом им удастся вновь захватить в свои руки стратегическую инициативу и изменить в свою пользу течение войны.

Итак, к весне 1943 года над сопками Тамани, над кубанскими плавнями и Цемесской бухтой нависали еще грозовые тучи. Там, на самой северо-западной оконечности советского Кавказа, еще слышались раскаты артиллерийской канонады, сверкали молнии выстрелов и шарили по почам в черном небе лучи прожекторов.

БРОСОК НА МЫСХАКО

Он шел впереди, автомат на груди —
Моряк Черноморского флота...

Матросская песня

Отход гитлеровских войск под ударами наступавшей Советской Армии к низовьям Кубани вызвал необходимость решительного контрудара по врагу и в районе Новороссийска. Перед войсками черноморской группы Закавказского фронта была поставлена задача — перейти в наступление в горах северо-восточнее Новороссийска, а перед военно-морскими силами Черноморского флота — обеспечить высадку десанта юго-западнее Новороссийска. В результате такого комбинированного удара с суши и с моря предполагалось разгромить группировку врага, оборонявшуюся в этом районе, а затем, выйдя к Таманскому полуострову, отрезать главным силам противника, действовавшим в Прикубанье, пути отхода в Крым.

Было ясно, что успех такой операции во многом будет зависеть от тесного взаимодействия сухопутных войск Советской Армии и военно-морских сил Черноморского флота.

К тому времени черноморцы успели много раз показать свою доблесть в битве за Кавказ. Части морской пехоты участвовали в обороне Новороссийска и Туапсе, в боях за перевалы через Кавказский хребет. Летчики-черноморцы прикрывали с воздуха свои наземные войска, их тыловые базы и пути снабжения. Смело и решительно действовали в кавказских и крымских водах Черного моря советские боевые корабли.

...Два торпедных катера появились внезапно со стороны открытого моря перед захваченным врагом Ялтинским портом.

— Кто идет? — запросили гитлеровцы с берега.

Герой Советского Союза капитан-лейтенант Кочиев намеренно приказал ответить неразборчивым сигналом. Пока фашисты тщетно пытались разобрать непонятный сигнал, катера, не сбавляя хода, ворвались в порт и выпустили торпеды по стоявшим там судам противника — подводной лодке и груженной военным снаряжением барже. Когда фашисты опомнились и открыли с берега яростный огонь, катера капитан-лейтенанта Кочиева были уже далеко в море. В этом дерзком набеге на тыловую базу врага черноморцы продемонстрировали высокую отвагу и замечательное искусство кораблевождения, а также умение владеть своим грозным оружием.

Далеко в море уходили наши подводные лодки. Неожиданно появляясь на путях сообщения противника, они топили его военные транспорты, перевозившие подкрепления из крымских портов в Тамань и Анапу. Смело нападали черноморцы-подводники на вражеские боевые корабли, подстерегая их у занятых противником берегов. Много раз успешно атаквала фашистские транспорты подводная лодка капитана 3-го ранга Грешилова. На флоте говорили о нем: «Если Грешилов увидит врага, то не упустит его».

Под покровом мрака осенними и зимними ночами не раз проникали наши легкие корабли в хорошо знакомую черноморцам Цемесскую бухту, ведя разведку береговой обороны противника в районе Новороссийска. Однажды лейтенант Крылов скрытно вошел на катере ночью в гавань захваченного врагом Новороссийска, перепилил якорную цепь стоявшего там плавучего крана и взял его на буксир. Под огнем врага смельчаки-черноморцы вывели тяжелый кран на внешний рейд, а затем доставили его на свою базу.

Моряки Черноморского флота были искусными мастерами десантных операций. Немало провели они их с начала Великой Отечественной войны, высаживая мелкие группы разведчиков, небольшие отряды морской пехоты, а порой и крупные армейские соединения.

Но каким бы богатым ни был боевой опыт доблестных черноморцев, высадка десанта в районе Новороссийска

в феврале 1943 года являлась задачей весьма трудной и сложной.

Зимой Черное море у берегов Кавказа редко бывает спокойным. То и дело через горные перевалы перекаываются северо-восточные ветры. Когда такой ветер (его называют «бора») начинает бушевать на море, даже большие корабли стараются отстояться в какой-либо закрытой гавани. А каково в зимнюю штормовую погоду маленьким катерам?

Бывает, что и опытным штурманам трудно держать правильный курс во время шторма. Но еще труднее подойти к берегу, высадить на песчаную отмель или на скользкие замшелые камни людей, выгрузить боевую технику. Люди еще способны прыгнуть в кипящие воды прибоя, выйти по грудь в морской пене, выплыть на прибрежный песок, зацепиться за камень. А станковые пулеметы, минометы, пушки, а тяжелые ящики со снарядами? Ведь они-то не умеют плавать...

Кроме того, было известно, что, предугадывая возможность наших десантных операций, противник усилил оборону береговой полосы в районе Новороссийска. Наиболее доступные для высадки с моря места были прикрыты здесь различными заграждениями и простреливались артиллерией, минометами, пулеметами.

— Это будет высадка к черту в зубы! — говорили бывалые моряки.

Высадка десанта всегда считалась одним из самых сложных видов боевых операций. Надо правильно выбрать место и время высадки. Надо добиться тесного взаимодействия десантного отряда с кораблями, провести своевременную «обработку» берега огнем корабельной артиллерии. И едва ли не самое главное, что требуется при этом — обеспечить внезапность высадки и высокие темпы операции. Это могли сделать только смелые, отважные, инициативные бойцы, готовые к любым случайностям. Именно таких людей и отбирало командование для предстоящей десантной операции под Новороссийском.

Формирование одного из десантных отрядов было поручено майору Куникову.

Цезарь Львович Куников не был кадровым флотским командиром или штурманом дальнего плавания. Правда, он вырос в Баку, на Каспии, и с детства любил море, а двадцатилетним юношей по комсомольской путевке посту-

пил в Ленинградское военно-морское училище. Но болезнь заставила вскоре покинуть училище. Позднее он окончил Промышленную академию и машиностроительный институт, стал инженером-механиком.

Война застала Куникова на посту редактора большой отраслевой газеты «Машиностроение». Две недели спустя он добровольно ушел на фронт. И тут осуществилась романтическая мечта его юности — его назначили комиссаром сформировавшегося отряда боевых катеров. Так он стал служить на флоте.

Осенью 1941 года отряд Куникова действовал в дельте Дона, на подступах к Ростову. В дни тяжелых оборонительных боев в Приазовье летом 1942 года ему пришлось командовать сводным батальоном морской пехоты.

— От Азова до Тамани, — вспоминал он, — с боями пять раз выходя из окружения, шли мы на наших маленьких катерах. Шторм — шесть, семь, девять баллов. Часть утонула. Большинство выдержало. Затем меня назначили командиром батальона морпехоты — ребята только с кораблей. Сутки дали на формирование, а через 16 часов бросили в бой. Мы приняли бой с дивизией, и она не прорвала нашей линии. Нас два батальона морпехоты — один Вострикова, другой мой — обескровили две вражеские дивизии. Тогда им на помощь дали еще две дивизии. Мы отходили из-за общей обстановки...

Минул только год, как Цезарь Куников покинул свой московский редакторский кабинет, а его уже считали выдающимся офицером. Он получил звание майора. Его наградили орденом Александра Невского.

В один из погожих сентябрьских дней теплой и мягкой кубанской осени взрывная волна сбила Куникова с ног. Тяжело контуженного, его отправили в госпиталь.

Крепкий организм тридцатитрехлетнего командира быстро справился с последствиями контузии. Как только силы вернулись к нему, Куников покинул курортный приморский город, где ему пришлось пролежать несколько недель. Он рвался к своему батальону. Но только нашел его, как получил новое ответственное задание — готовить десантный отряд для высадки в районе Новороссийска. Идея этой операции увлекла его смелостью замысла и сложностью выполнения. Он отдался ей весь, без остатка.

В частях морской пехоты, отведенных с передовой на отдых, в резервных подразделениях, даже в хозяйствен-

ных командах базы — всюду видели тогда черноморцы этого крепкого, коренастого флотского офицера. Всегда подтянутый, собранный, скромный, он не старался обратить на себя внимание. Во всей походке его, скупых, но резких жестах, чуть приглушенном, но сильном голосе чувствовались скрытая энергия, могучая воля, твердость характера. Его открытое лицо и прямой, пылливый взгляд

Герой Советского Союза
майор Ц. Л. Куников

располагали к себе собеседников. Только подошел, поздоровался, угостил папиросой и закурил сам, бросил с добродушной усмешкой невзначай шутовское слово, а уже казалось всем, будто давно знают его, будто где-то встречались: то ли на корабле, то ли в госпитале, то ли в окопе.

Куников действительно необычайно быстро знакомился с людьми и столь же быстро завоевывал их доверие. Эта удивительная способность узнавать людей, умение подойти к ним и сплотить их вокруг себя были у него особенно

развиты. Вероятно, он выработал в себе эти качества еще в годы комсомольской юности. Недаром же ему пришлось пройти тогда хорошую школу массовой политической работы, будучи агитатором, беседчиком, секретарем организации ВЛКСМ на Московском тормозном заводе. Опыт и навыки организатора рабочей молодежи пригодились через много лет и в новой обстановке, на фронте. Они помогли Куникову быстро постичь один из главных секретов, которым должен владеть каждый военачальник и который заключается в умение найти верный путь к сердцу бойца.

Он изучал людей всюду, где встречался с ними, — на заседаниях в штабе, на занятиях в роте, на партийном собрании и на прогулке.

Особенно тщательно подбирали Куников командиров.

Он выбрал себе надежных помощников, которые потом полностью оправдали его доверие. Ближайшими его боевыми соратниками были заместитель по политической части старший лейтенант Старшинов и заместитель по строевой части старший лейтенант Ботылев.

Когда-то великий русский полководец Александр Васильевич Суворов, готовясь к штурму сильной турецкой крепости Измаил, тренировал своих солдат, заставляя их преодолевать земляные валы и рвы, специально для этой цели сооруженные в русском лагере. По-суворовски, с максимальным приближением к боевой обстановке, обучал своих бойцов-десантников и майор Куников.

Днем и ночью, исхлестанные холодным дождем или залепленные мокрым снегом, тренировались куниковцы на прибрежных скалах, взбираясь на обледенелые крутые обрывы, переползая по скользким, омытым волнами камням, прячась в расщелинах горных отрогов, спускавшихся к самому морю. Бойцы соревновались, кто дальше пройдет с завязанными глазами по каменистому берегу, кто скорее перезарядит вслепую диск автомата.

Время от времени тренировались по высадке десанта, и тогда сам Куников первым прыгал в холодные волны и порой по пояс в ледяной воде добирался до берега. Как всегда, личный пример командира имел в этом случае огромное воспитательное значение.

Куников требовал четкого выполнения боевого приказа, строгого соблюдения воинского порядка.

— Пусть каждый всей совестью коммуниста отвечает за свое дело, — говорил он офицерам своего отряда. — Командовать — это значит руководить, приводя в движение все свои знания и способности, изобретательность и инициативу. Возьмем простой пример из практики. Получаем задание послать разведку в тыл противника. Можно вызвать десяток бойцов, назначить командира, дать задачу, карты — и иди. А можно сделать так: узнать у соседей по фронту, что им известно об этом районе, разыскать перебежчиков, поговорить с авиацией, партизанами, достать проводника, узнать точно часы восхода и захода луны, дать людям предварительно выспаться, продумать их вооружение, продзапас, дать ориентиры местности, наиболее подробные сведения о противнике, какие имеешь, сделать возможно точный расчет времени, точно определить, где они будут в какие часы, где их застигнет рассвет, на-

помнить боевые советы, печатавшиеся в военной газете, о поведении в момент соприкосновения с противником, как снимать часовых, как проникать в тыл врага. И должен сказать, что результаты прямо зависят от подготовки.

Куников сам составил памятку о способах ведения боя в населенном пункте, обучал бойцов действовать в составе мелких штурмовых и блокирующих групп.

Еще в первые месяцы войны, под Ростовом, Куников в часы затишья изучил все системы автоматического оружия, находившиеся в его распоряжении, научился стрелять из миномета, противотанковой пушки. С особым вниманием относился он к изучению оружия врага, требуя от всех своих подчиненных умения владеть трофейными автоматами, пулеметами, пушками.

— Враг хитер, а ты будь еще хитрее! Враг нахальщю прет на рожон, бей его еще нахальнее! Идешь в бой — хлеба бери поменьше, а патронов — побольше. С патронами всегда хлеба добудешь, если его не хватит, а вот на хлеб патронов не достанешь. Бывает и так, что ни хлеба, ни патронов уже нет, тогда помни одно важное правило: у врага есть оружие и патроны, бей гитлеровцев их же — фашистским — оружием. Пуля не разбирает, в кого она летит, но очень тонко «понимает», кто ее направляет. Добудь боем оружие врага и пользуйся им в трудную минуту. Оружие врага изучи, как свое, — очень пригодится в бою...

Так учил майор Куников бойцов-десантников. Как благодарны были они ему потом за эти наставления, когда действительно пришлось использовать в бою трофейное оружие!

Пока для куниковцев продолжался период напряженной боевой учебы, на фронтах Великой Отечественной войны происходили важные события. Все чаще голос диктора торжественно оповещал по радио о новых победах Советской Армии. Замкнулось кольцо вокруг вражеской группировки под Сталинградом. Рухнула оборона противника на Дону. Развернулось стремительное наступление советских войск на Северном Кавказе. Часто беседовали с бойцами об этих радостных событиях и сам Куников и его замполит Старшипов. И почти после каждой беседы спрашивали бойцы:

— А когда же мы пойдем в дело?

— А когда же наш день настанет?

И вот, наконец, этот день наступил. Командование решило начать новороссийскую десантную операцию в ночь на 4 февраля 1943 года. Морской десант намечено было высадить в двух пунктах: у Южной Озерейки (в 30 километрах юго-западнее Новороссийска) и в районе Станички, непосредственно примыкавшей к городу Новороссийску с юга. Имелось в виду, что активные действия десантных групп в тылу новороссийской группировки противника ослабят его оборону севернее Новороссийска и тем самым облегчат прорыв ее нашими сухопутными войсками.

Отряду Куникова выпала задача высадиться на западном берегу Цемесской бухты и захватить Станичку — южное предместье Новороссийска. Многие из куниковцев, прежде бывавших в Новороссийске, хорошо помнили это место. Пологий берег, плоская Суджукская коса, насыпь железнодорожной ветки, за ней холмистая равнина, что стелется до самого подножья гор. На эту равнину и выбегают домишки и садочки Станички — поселка новороссийских рыбаков. Это помнили многие. Но не все знали о том, что враг бдительно охранял этот участок берега, что коса заминирована, из воды торчат рельсы и колья проволочных заграждений, что на скатах железнодорожной насыпи отрыты блиндажи, пулеметные гнезда, устроены дзоты (дерево-земляные огневые точки). И хотя командиры предупреждали обо всем этом, не все десантники представляли себе, как будет выглядеть в действительности система вражеской обороны.

Среди бойцов царило радостное волнение. Оно усилилось еще больше, когда радио принесло весть о полном завершении разгрома вражеской группировки, окруженной ранее под Сталинградом.

Далеко от черноморского побережья до заспешенного берега Волги. Но в тот день слово «Сталинград» не сходило с уст черноморцев. И словно отблески сталинградской победы сняли на взволнованных лицах куниковцев, когда они собрались вместе в помещении бывшего клуба в затемненном приморском городке. В этот вечер десантники еще острее ощущали себя участниками великой борьбы.

Старший лейтенант Старшипов предложил всем подписать текст клятвенного обещания. Первым подошел к столу майор Куников. За ним все командиры и бойцы один за другим поставили свои подписи под текстом,

прочитанным замполитом. Торжественно звучали простые, но полные глубокого патриотического чувства слова:

«Мы получили приказ командования — нанести удар по тылу врага, опрокинуть и разгромить его. Идя в бой, мы даем клятву Родине... в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою, капля за каплей, мы отдадим за счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина... Нашим законом есть и будет движение только вперед...»

Ненастным был на кавказском побережье Черного моря день 3 февраля 1943 года.

Порывистый ветер гнал низко нависшие, набухшие влагой тучи. На серо-свинцовой поверхности моря разгуливали белые «барашки». Но десантники не замечали ни холодного дождя, ни влажного ветра. Весь этот день прошел в последних хлопотах перед выступлением в поход, в напряженном ожидании заветного часа.

Когда наступил вечер и густая черная мгла затопила море и горы и маленький приморский городок, притаившийся на берегу подковообразной бухты, отряд Куникова выстроился у причала.

Защитники Одессы и Севастополя. Участники керченского и феодосийского десантов. Герои уличных боев в Новороссийске и дерзких поисков в лесистых ущельях Кавказских гор. Вот они стоят здесь, вдыхая знакомый запах моря и слушая ритмичный шум прибоя. Впереди едва различимые во мраке силуэты катеров. Позади шеренги бойцов. Первый эшелон — три сотни отважных смельчаков, самых опытных, самых искусных десантников.

Приглушенный шепот. Хруст песка под ногами. Локоть товарища справа. Плечо другого слева. Так темно, что родного брата, кажется, не узнаешь. И вдруг неожиданно вынырнула из мрака фигура. Как и у всех, шапка-ушанка, ватная телогрейка, автомат на груди и гранаты на поясе. А голос особый, знакомый куниковский голос:

— Богданов? Узнал? Ну, как дела? Какой боезапас захватил? Покажи. Так. Славно. А что в НЗ?

В последний раз проверяет Куников боеготовность своих бойцов.

— Какие претензии?

— Есть претензия... — отзывается пулеметчик Алексей Потеря. — Не много. ли назначено брать с собой бакалеи — сухарей и концентратов. Не лучше ли вместо бакалеи взять еще патронов?..

— Заменить часть сухого пайка патронами! — подумав, приказывает Куников. И тут же, усмехаясь, говорит:

— Но при этом учтите, что мы идем не на охоту, не уток будем стрелять, а следовательно, добывать харч придется силой...

Скоро 22 часа. Тихие отрывистые слова команды. Один за другим десантники идут на катера, размещаются на тесной палубе, заставленной какими-то ящиками.

Катера покачиваются на волнах. Бойцы натягивают на себя плащ-накидки, плащ-палатки, укрывают оружие.

— Все на местах?

— Все.

Звучат слова рапорта. Слышна команда, на этот раз уже из рубки. Сердитое фырканье мотора, затем ровный рокот. Катер вздрагивает и плавно отходит от причала. Большая волна ударяет его в борт, когда он разворачивается. Десантники крепче прижимаются друг к другу. Берег, засыпающий городок, горы — все окончательно тонет во мраке.

— Прощайте, товарищи! Прощай, Большая земля!

От пункта посадки до места высадки не так далеко — всего каких-нибудь три десятка километров. Но вдоль берега идти нельзя. Надо податься в море, чтоб не заметили посты врага, наблюдающие с берега. А море штормует. Крутые валы с пенящимся гребнем встают из тьмы, обдавая солеными брызгами, и тут же проваливаются куда-то вниз. Ни просвета, ни огонька впереди. Но уверенно ведет корабли с десанниками командир дивизиона сторожевых катеров капитан-лейтенант Сипягин. Высокое мастерство управления кораблем и воинская зрелость не раз обеспечивали ему успех в подобных операциях.

Полночь. Ветер крепчает. Дождь хлещет с такой силой, что, кажется, пробьет плотную ткань плащ-накидки. Мрак будто сгустился еще больше. Холод проникает всюду, не спасает и ватная телогрейка. Цепенеют руки, ноги. Главное — закурить и то нельзя. Вот досада. Остается только одно — ждать, ждать...

Но вот головной катер, зарываясь носом в волну, круто поворачивает вправо. Это значит, что корабли поравнялись с Мысхако, или, как говорят моряки, вышли на траверз Мысхако. И теперь Сипягин держит курс прямо к берегу.

Спят в блиндажах и землянках на западном берегу Цемесской бухты гитлеровские солдаты. Нахохлившись, застыли кое-где часовые, наблюдатели. Иногда поглядывают на море, да что увидишь в густой, как чернила, мгле?

И вдруг впереди, перед входом в Цемесскую бухту, взвиваются из мрака ракеты — красная, затем зеленая... И сразу с противоположного берега бухты гремит советская тяжелая артиллерия. Десятки, сотни снарядов крупного калибра с шумом проносятся над бухтой и обрушиваются на ее западный берег.

Гул, грохот, треск, яркие вспышки выстрелов, багровое пламя разрывов, тревожная суeta прожекторных лучей. Взлетают в воздух спрятанные в прибрежном песке мины, рвется колючая проволока, осыпаются траншеи, проваливаются блиндажи.

Десять минут бьют через бухту советские батареи. Десять минут «обрабатывают» район предстоящей высадки.

С последним залпом катера Сипягина вздрагивают от включенных на полный ход моторов, разворачиваются и все разом несутся прямо на берег.

Теперь счет идет уже на секунды. Десантники изготовились к высадке. Плащ-накидки скатаны. Все, что можно взять с собой, взято, прилажено. Оружие в руках, наготове.

Впереди вспышки выстрелов. Разноцветными нитями прошивают мрак трассирующие пули. Постепенно оживают уцелевшие огневые точки врага. Одна, другая... Не все удалось подавить нашим артиллеристам. По блеску выстрелов можно легко угадать во тьме береговую линию. Огонь усиливается. Стучат вражеские пули, пробивая борта катеров. Рвутся мины, снаряды. Вода вскипает вокруг кораблей. С визгом рассыпаются осколки, злобно жалят бойцов, стеснившихся на узких палубах.

Вот уже чернеет громада берега. Расцвеченная огнями, она как будто сама надвигается на катера. Когда взлетают ракеты, мрак разрывается и в разрывах виднеются уча-

стки береговой полосы, вспаханной снарядами, заваленной обломками.

Резкие слова команды. Их почти не слышно. Но и без нее все понятно. Не прошли даром долгие месяцы тренировки.

Кое-где вражескими снарядами разбиты спущенные трапы. Ну что ж, обойдемся без них. С палубы головного катера прыгает за борт майор Куников. Кажется, он погружается в волны до плеч. Но рука с автоматом над головой. Его видят многие.

— Коммунисты, вперед!

И сразу десяток, другой бывалых десантников следуют за командиром. Вода ледяная. Волны сбивают с ног, то и дело накрывают с головой. А под ногами водоросли, скользкие камни, местами колючая проволока.

Еще немного. Какой-нибудь десяток метров. Но как трудно одолеть их, шагая в набухшем ватнике в холодной воде.

Вот он, берег. Полуразрушенные причалы рыбзавода. Исковерканные ржавые рельсы. Остов разбитой пристани. Ребра наполовину затонувшего баркаса. Последнее усилие — и первые бойцы вслед за Куниковым выбираются из воды. Они тяжело дышат. Их пошатывает. Как хочется упасть на мокрый песок, отлежаться. Но ведь минута промедления — и неизбежная гибель. Вперед! Только вперед!

Не отдышавшись, не отряхнув струйками стекавшую воду, куниковцы бросаются вперед, перебегают узкую полоску пляжа, взбираются на прибрежный откос.

Прямо в глаза хлещет вражеский пулемет, на минуту прижимает к земле. Но уже кто-то пополз по-пластунски в сторону, в обход. Метнул гранату — пулемет смолк. Десантники встают как по команде. Перебегают дальше. Сами строчат из автоматов, направляя огонь на вспышки вражеских выстрелов.

Кое-где фашисты бросаются навстречу. Короткие рукопашные схватки. Мелькают приклады, лопатки, кинжалы.

— Полупдра! Полупдра!

Традиционный клич моряков, предупреждающий об опасности и зовущий на помощь.

Новые группы десантников устремляются на берег. Поддержать, выручить, развить наметившийся успех.

— Ур-ра-а!.. Даешь! Севастопольцы, вперед! Феодосийцы, за мной!

Взаимная выручка — одна из главных заповедей десантников. Свято соблюдают ее черноморцы.

Первая линия береговой обороны противника прована. Гитлеровцы отброшены за железнодорожную насыпь. Неотступно преследуя их, на насыпь взбегают куниковцы. Втаскивают пулемет. Еще минута — и уже «Максим» яростно стучит с насыпи по фашистам.

...Сырая ветреная февральская ночь еще висит над землей, а весь участок западного берега Цемесской бухты, от рыбзавода до конца Суджукской косы, уже в руках куниковцев. И сам Куников, как было условлено, доносит незашифрованной, открытой радиোগраммой о первом успехе: «Полк высадился благополучно, без потерь, продвигаемся вперед. Уничтожил две пулеметные точки. Жду подброски».

Расчет прост: открытое донесение обязательно перехватят радисты противника. Так и случилось. Сообщение о высадке на южной окраине Новороссийска целого советского полка ошеломило гитлеровцев.

Это было тем более важно, что высадить десант у Южной Озерейки не удалось. А 800 десантников, какие в действительности были у Куникова, воспользовавшись замешательством врага, продолжали расширять захваченный плацдарм, продвигаясь вправо — к Станичке, влево — к совхозу Мысхако.

Они с честью выполняли свое клятвенное обещание:

— Нашим законом есть и будет движение только вперед!

ПЛАЦДАРМ СЛАВЫ

И если, товарищ, нам здесь умирать,
Умрем же в бою, как герои,
Ни шагу назад нам нельзя отступить,
Пусть нас в эту землю зароят.

Песня севастопольцев

Всю ночь на 4 февраля 1943 года кипел ожесточенный бой на западном берегу Цемесской бухты. Особенно упорная борьба шла на правом фланге высадившегося десантного отряда. Здесь гитлеровцы цеплялись за каждый дом, за каждую стенку. Нелегко было выбивать их из кварталов полуразрушенной опустевшей Станички.

Ночной бой в населенном пункте всегда полон неожиданностей. Бойцы вынуждены действовать в этих условиях мелкими группами, иногда в одиночку. Часто приходится драться в полуокружении, а то и вовсе в кольце врагов. Многое зависит в таком бою от смелости, инициативы, находчивости.

Старшина Николай Романов, высадившись со своим отделением у рыбзавода, пробивался к железнодорожной насыпи. Определив по вспышкам выстрелов огневую позицию врага, он быстро принял решение атаковать ее. Троим бойцам Романов приказал прикрывать атаку огнем из автоматов, а с пятью остальными устремился вперед. Сблизившись с врагом, моряки пустили в ход ручные гранаты. Захватили два пулемета, пушку.

Осмотрев трофеи, Романов убедился, что эти системы ему знакомы. Он изучал их в период зимнего затишья. Повернуть пушку в сторону врага, приладить пулеметы, поставить нужный прицел — все это было делом нескольких минут.

К полудню в руках десантников было уже девять захваченных у врага артиллерийских орудий. Майор Куников объединил их в «отдельный десантный трофейный дивизион», и в умелых руках черноморцев они действовали отлично.

Шаг за шагом продвигались куниковцы. Выбили врага из полуразрушенного здания радиостанции. Захватили разбитую водокачку. Завязали бой на кладбище. Занимали один за другим окраинные кварталы Станички. Пробились к каменному зданию школы имени Шевченко.

Но когда стало бледнеть небо над снежным гребнем гор и мутный рассвет сменил уходящую ночь, враг убедился, что силы десантного отряда невелики. Подтянув резервы, гитлеровцы после сильной артиллерийской подготовки предприняли ряд ожесточенных контратак.

На одном участке вражеские автоматчики ринулись вперед, не слезая с автомашин. Старшина Николай Богданов поднял свое отделение навстречу. Моряки остановили машины гранатами и в жаркой схватке отразили фашистов.

Яростными были контратаки врага на участке, где оборонялось отделение сержанта Кирилла Диброва. Хладнокровно подпуская гитлеровцев на близкое расстояние, Дибров и его боевые товарищи расстреливали их в упор почти без промаха. Бешеный натиск врага пришлось отражать подразделению старшего лейтенанта Алексея Тарановского. Оставшись с десятком бойцов, он был тяжело ранен, но не отступил ни на шаг.

То там, то здесь дело доходило до рукопашных схваток. Когда фашистам удавалось ворваться в расположение десантников, те поднимались, грудью встречая противника. Боевым кличем гремело тогда «Полундра!»

И все, кто был поблизости,—связные, сигнальщики, санитары и даже раненые, способные стоять на ногах,—спешили на выручку.

Противник атаковал, пытаясь прорвать оборону десантников, то в одном, то в другом месте. Заметив это, Куников создал особые подвижные группы под командованием старшины Кириллова и секретаря партбюро Крайника. Составленные из самых мужественных и стойких бойцов, эти группы появлялись на угрожаемых участках в самые напряженные моменты боя. За день им приходилось действовать в двух-трех местах. Нередко вместе с

подвижным резервом появлялся и сам Куников, чтобы личным присутствием воодушевить обороняющихся.

Свой командный пункт майор Куников расположил намеренно на крайнем правом фланге, где боевые действия отличались особой ожесточенностью и где сильнее всего ощущалось давление превосходящих сил противника. Он оборудовал блиндаж под железнодорожной насыпью, недалеко от причалов рыбзавода.

К исходу первого дня боя стало очевидным, что бойцы отстояли захваченные ночью позиции и не дали противнику сбросить десант в море.

Конечно, площадь отвоеванной у врага земли на западном берегу Цемесской бухты была еще очень невелика. Однако значение этого берегового плацдарма могло стать очень большим. Владея им, можно было накрепко закрыть противнику вход в Цемесскую бухту и тем самым окончательно лишить его возможности пользоваться Новороссийским портом. Кроме того, с плацдарма у Мысхако всегда можно было угрожать новороссийской группировке противника с тыла.

Наступление советских войск на восточном берегу Цемесской бухты, у цементных заводов, было отложено. Однако рано или поздно оно должно было состояться, и потому было важно удержать захваченный плацдарм, чтобы сосредоточить на нем в дальнейшем достаточно крупные силы для удара в тыл противнику.

Как только от Куникова было получено донесение о том, что высадка в районе Станичка — Мысхако прошла успешно, командование флота немедленно приняло меры, чтобы помочь отважным десантникам. Но штормовая погода на море и сильный огонь противника не позволяли подбросить на Мысхако подкрепление так быстро, как это было необходимо.

Между тем положение куниковцев становилось все более тяжелым. Бешеный натиск врага не ослабевал. Узкую полосу побережья непрерывно обстреливали тяжелые орудия, а время от времени бомбили с воздуха «Юнкерсы» и «Хейнкелы». Под вечер гитлеровцы пустили в ход танки.

Как ни старались бойцы, готовясь к десантной операции, захватить с собой побольше боеприпасов, но расход их был столь велик, что уже к концу первых суток на переднем крае стало не хватать патронов.

Все шире приходилось пользоваться трофейными автоматами и пулеметами, пополняя боезапас за счет противника.

Но, разумеется, это был не очень надежный источник снабжения, особенно когда пришлось перейти к обороне.

По просьбе Купикова командование попыталось организовать боепитание его отряда воздушным путем. Но в

Расчеты противотанковых ружей прикрывают высадку десанта
в районе Новороссийска.
1943 г.

дневные часы нашим самолетам трудно было снижаться над Мысхако из-за сильного зенитного огня вражеской артиллерии, а ночью нелегко было найти цель, куда именно сбрасывать «воздушные посылки». В итоге ящики с боеприпасами иногда разбивались о камни, а иногда падали в воду и тонули. Бойцам приходилось тратить много времени на поиски сброшенных боеприпасов и с трудом собирать их на земле.

Надвинулась еще одна беда. На захваченном плацдарме оказалось очень мало колодцев, а ручьев и речек не было вовсе. У бойцов, которые без передышки вели многочасовой бой, опустели фляги. Наполнить их было

нечем. Людей стала мучить жажда. Это было, пожалуй, страшнее всего.

Куников, Старшинов, Крайник, обходя боевые группы десантников, старались теплым приветствием и дружеским вниманием ободрить бойцов, мягкой шуткой и задушевной беседой отвлечь их от мысли о воде. Ни от кого не слышали они упрека или жалобы, хотя многие понимали, что положение становится угрожающим.

— Держаться будем до конца, до победы. Умрем, но отстоим завоеванный рубеж! — говорил Куников, и эта мысль все глубже внедрялась в сознание бойцов.

Люди лежали в наспех отрытых ячейках, траншеях, воронках на скользкой от дождя, холодной глинистой земле, похудевшие, покрытые засохшей грязью, с воспаленными глазами, сухими, потрескавшимися губами. Надо было видеть, как облизывали они влажные камни и собирали в горсть мутные струйки дождевой воды, как шарили слабствующими руками вокруг себя в поисках патронов, надо было видеть все это, чтобы понять до конца всю тяжесть ратного труда и все значение воинского подвига.

Наконец, сквозь бушевавший на море шторм, сквозь завесу вражеского огня прорвались к Мысхако первые катера. Они привезли боеприпасы и воду.

На рассвете второго дня гитлеровцы снова усилили свой натиск, по несколько раз подряд атакуя одни и те же участки обороны десантников. Но десантники стойко выдержали и это испытание. Они приспособились к новой обстановке, изучили условия местности, осмотрелись, отрыли щели, траншеи, оборудовали блиндажи. Командиры учили бойцов, что драться надо не только лихо, но и умело. Замполит Старшинов предупреждал десантников, что не следует недооценивать сил и способностей врага.

— Если в течение дня они девять раз ходили на нас в атаку, — говорил Старшинов, — пять раз схватывались в рукопашную, разве это трусы? Труса победить легко и просто. Но мы, уверяю вас, имеем дело не с трусами... Не надо припугивать врага. Это, во-первых, размагничивает наших молодых бойцов, а во-вторых, принижает величие подвигов советских воинов...

Уступая врагу в численности, бойцы старались нанести ему возможно больший урон и тем подорвать его наступательный порыв.

Без промаха бил фашистов снайпер Филипп Рубахо. Беспощадно разили врага автоматчики Сергей Вдовин, Денис Шарган, Владимир Сморжевский. О доблестном черноморце Сморжевском Куников вечером 5 февраля писал в своем донесении командующему:

«Старший краснофлотец товарищ Сморжевский, истребивший лично за дни десантной операции 27 фашистов, из них четырех офицеров, и уничтоживший пулеметный расчет, просит передать вам трофейный пистолет, взятый им сегодня в бою...»

Моряк-коммунист Любченко с тремя бойцами скрытно проник в расположение противника и смело атаковал огневую точку, уничтожив расчет и захватив пушку и два пулемета. Повернув оружие в сторону врага и открыв огонь, Любченко и его товарищи истребили около 100 гитлеровских солдат и офицеров.

Бессмертный подвиг совершил младший сержант коммунист Михаил Корницкий.

Ведя уличный бой в Станичке, группа десантников прорвалась к зданию школы и заняла там оборону. Вскоре гитлеровцы крупными силами перешли в контратаку и окружили школу. Десантники продолжали вести бой в окружении, отражая попытки врага прорваться в здание. Когда наступили сумерки, послышался нарастающий шум. То приближались три фашистских танка. Моряки встретили их гранатами. Но гранаты, брошенные из окон, не долетели. Тогда раненый Корницкий перебежал двор и метнул нару гранат прямо под гусеницы головного танка. Машина вздрогнула, заскрежетала и беспомощно остановилась. Два других танка, отстреливаясь, отошли.

Казалось, главная опасность миновала. Но фашистские снаряды, пробившие стены школы, вызвали пожар. Тушить его было нечем. Густой дым быстро распространился по всему зданию. Заметив, что школа горит, вражеские автоматчики собрались за каменной стеной, ограждавшей школьный двор. Они были уверены, что десантники вынуждены будут покинуть горящее здание.

Моряки столпились в нижнем коридоре, у выходной двери.

— Надо на прорыв, другого выхода нет...

— А за стеной, видишь? Они только и ждут нас...

Понимали: идти на прорыв в этих условиях — это значит идти на верную гибель. Конечно, в конце концов решились бы и на это: в плен десантники не сдавались.

Но тут еще раз вырвался вперед Михаил Корницкий. — Прощайте, товарищи!..

Обвязав себя гранатами и выдернув чеку из одной, он бросился во двор, перебежал его, взмахнул на стену и тут же прыгнул вниз по ту сторону. Метнулось вверх пламя. Страшный грохот покрыл дикие вопли врагов. Никто из них, сидевших в засаде, не уцелел. Одни были убиты, другие ранены и контужены.

Десантники, не теряя времени, бросились в зияющий пролом ограды. Вырвались из вражеского кольца. Пробились к своим.

Так, выручая своих боевых товарищей, погиб черноморский матрос Михаил Корницкий. Ему посмертно было присвоено почетное звание Героя Советского Союза. До сих пор не забывают его на Черноморском флоте. И почти всегда, рассказывая молодым матросам о подвигах их отцов в годы Великой Отечественной войны, ветераны флота называют имя Михаила Корницкого, показавшего пример беззаветной преданности воинскому долгу и присяге.

...Почти трое суток, без сна, без отдыха, временами без воды и пищи, отстаивали советские воины занятые рубежи. Они выдержали ожесточенные бомбежки и огневые налеты, отразили многократные атаки, уничтожили до 2 тысяч гитлеровцев, подбили танк, захватили пушки, пулеметы, автоматы.

Замполит Старшинов в рукописных листках под названием «В последний час по радио» информировал бойцов о новых победах Советской Армии, об освобождении от фашистских оккупантов городов Украины, Подонья, Орловщины. И, читая в минуты затишья эти листки, куниковцы чувствовали себя участниками великого наступления Советских Вооруженных Сил, великой борьбы советского народа. В листках, которые распространял Старшинов, коротко рассказывалось и о подвигах отдельных героев-десантников. Сообщения эти воодушевляли бойцов и укрепляли их волю к победе.

Вечером 6 февраля к Мысхако прорвались легкие корабли. На отвоеванный плацдарм начали высаживаться подразделения 255-й бригады морской пехоты.

Эта бригада была сформирована в августе 1942 года из моряков Черноморского флота, в большинстве своем из участников обороны Одессы и Севастополя. Героем севастопольской обороны был и командир бригады полковник Потапов. В тяжелых оборонительных боях на подступах к Новороссийску, в горах Кубано-Черноморья бойцы бригады умножили свой боевой опыт и овладели искусством пехотного боя. За полгода боевых действий на суше

Малая земля.
Моряки-десантники на передовых позициях.
1943 г.

им пришлось пережить многое, перенести большие лишения и свершить немало славных подвигов. Они стали закаленными, бывалыми бойцами.

Вслед за 255-й высадилась на плацдарм 83-я краснознаменная бригада морской пехоты, затем прибыли и армейские части, артиллерия, танки. Одними из первых пришли на выручку куниковцам новороссийские партизаны.

9—10 февраля у Мысхако высадился партизанский десант в составе трех отрядов: «Ястребка», «Нового», «Грозы». 13 февраля было высажено еще два партизан-

ских отряда. Все партизаны были сведены в особую боевую единицу и получили участок для обороны со стороны моря. Они принимали участие в боях за плацдарм до 25 марта, после чего были отведены для выполнения других заданий.

Теперь, когда на мысхакском плацдарме сосредоточилось несколько тысяч бойцов, представлявших различные рода войск, когда защитники плацдарма располагали в достаточном количестве артиллерией и имели под рукой солидный боезапас, особенно ясно стало, какой выдающийся подвиг совершили куниковцы, захватившие и отстоявшие в непрерывных трехдневных боях участок побережья Стапичка — Мысхако.

Немало жертв понесли герои-десантники, чтобы удержать эту узкую полоску каменистой земли на берегу Цемесской бухты. Обильно она была полита их кровью. И так случилось, что в тот момент, когда враг уже ослабил свой натиск, а куниковцев начали смещать прибывшие подразделения морской пехоты, они понесли очень тяжелую потерю.

В ночь на 12 февраля на Суджукской косе выгружали танки. С вечера майор Куников дважды ходил на берег принимать боевые машины. После двух часов ночи Куников отправился со своего командного пункта к месту выгрузки в третий раз. Как обычно, гитлеровская артиллерия методически обстреливала побережье, стараясь помешать выгрузке.

...И этот снаряд разорвался не так уж близко. Но он попал на участок вражеского минного поля, еще не расчищенный нашими саперами. Стали рваться мины. Одна из них взметнула пламя поблизости. Маленький раскаленный осколок впился в спину. Раздробил кость. Куников упал. Только через час его перевязали. В ту же ночь отправили на базу, в госпиталь. Но ранение оказалось смертельным. Спасти его не удалось. Через два дня он умер.

Спустя месяц славному командиру черноморских десантников коммунисту Цезарю Куникову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тяжела была для бойцов эта потеря. Но знали: будет жить боевой командир в их новых подвигах. С гордостью продолжали десантники носить имя Цезаря Куникова.

А на плацдарме у Мысхако по-прежнему гремели бои, то ослабевая, то вспыхивая с новой силой. Теперь там действовала уже не горстка десантников, а несколько тысяч бойцов морской пехоты и армейских частей. В конце февраля и в марте 1943 года им удалось кое-где потеснить противника и улучшить свои позиции.

Начинаясь у рыбзавода, линия фронта пересекала Станичку, проходя по Азовской улице, затем тянулась до горы Колдун и, наконец, упиралась в море западнее Мысхако. 24 квадратных километра — такова была площадь, ограниченная этой линией. Море отделяло ее от остальной территории, занятой советскими войсками, от Большой советской земли. Потому-то и стали называть мысхакский плацдарм Малой землей. Сначала вроде в шутку, в беседах и письмах, а потом уже и серьезно, в боевых листах, штабных сводках, очерках военных корреспондентов.

Малая земля создавала угрозу окружения всей новороссийской группировки противника.

Гитлеровское командование понимало это и потому предприняло в апреле 1943 года новую попытку ликвидировать мысхакский плацдарм. Четыре вражеские дивизии, усиленные артиллерией разных калибров и поддерживаемые значительными силами авиации, повели наступление на узком участке побережья от Станички до горы Колдун.

Снова забушевал ураган огня и стали над Малой землей. Длительный артиллерийский обстрел сменялся бомбежкой с воздуха и опять возобновлялся, когда переставала действовать авиация. Атаки пехотных подразделений поддерживали танки. Самый сильный нажим гитлеровцы оказывали в районе Станички, пытаясь продвинуться вдоль западного берега Цемесской бухты.

От светлых домиков рыбацкого поселка остались лишь почерневшие от копоти руины, от зеленых садов — уродливые пеньки сломанных почти под корень вишневых деревьев. Все вокруг было изрыто, исковеркано, разбито.

Трудно приходилось здесь советским бойцам. С трех сторон — море. Впереди — враг. Небольшие размеры плацдарма не позволяли маневрировать. Оставалось одно — стоять насмерть.

Но в самый критический момент апрельских боев героев Мысхако выручили вооруженные силы с Большой земли.

Туда были стянуты крупные силы штурмовой и бомбардировочной авиации. На Малую землю доставлены свежие подкрепления. Для огневой поддержки защитников плацдарма создана особая мощная артиллерийская группа на восточном берегу Цемесской бухты.

Батареи врага усиливали огонь, его пехота накапливалась для атаки, но со стороны моря появлялись в воздухе наши «Илы», самолеты-штурмовики, и один за другим пикировали на противника, осыпая его осколочными бомбами, расстреливая из пулеметов. Вражеские батареи умолкали, пехота рассеивалась, очередная атака срывалась.

Из руин Станички выползали фашистские танки. С грохотом двигались они вперед, переваливаясь на ухабах, угрожающе поднимая хоботы своих орудий. И вдруг на них обрушивался шквал огня дальнобойной советской артиллерии, расположенной на восточном берегу Цемесской бухты. Десятки крупнокалиберных снарядов с гулом пролетали над поверхностью бухты и разрывались перед передним краем обороны защитников Малой земли. Вражеские танки начинали метаться из стороны в сторону, некоторые замирали на месте с порванными гусеницами, другие поспешно поворачивали назад.

Так Большая земля помогала защитникам мысхакского плацдарма отражать атаки гитлеровских дивизий.

В окрестностях Новороссийска, на дорогах, ведущих из Анапы и Тамани, смело действовали партизаны. Они нападали на вражеские автомашины, подвозившие грузы к линии фронта, взрывали мосты, портили линии связи. И это тоже была помощь защитникам мысхакского плацдарма.

Многое в борьбе за Малую землю зависело от бесперебойного снабжения войск, сосредоточенных на плацдарме. Им надо было подвозить морем боеприпасы, воду, продовольствие. Решение этой ответственной задачи обеспечивал Черноморский флот.

Каждый рейс легких кораблей флота к берегам Малой земли и разгрузка их на Суджукской косе была сложной и опасной операцией. Артиллерия противника всю ночь вела обстрел береговой полосы. Заметив подходившие корабли, враг усиливал артиллерийский огонь. Сторожевым катерам и мотоботам иногда приходилось по нескольку раз за ночь менять место выгрузки. Они возвращались на базу с черными от копоти, обгоревшими бортами, с большими и

малыми пробоинами. Многие моряки сходили на берег с обожженными лицами, наспех перевязанные окровавленными бинтами.

Но никогда корабли не приходили обратно, не выгрузившись на Малой земле. Какие бы трудности ни приходилось преодолевать морякам, каких бы жертв это ни стоило, снабжение войск Малой земли не прерывалось.

Подразделение морской пехоты ведет бой
в районе Новороссийска.
1943 г.

Когда апрельское наступление сухопутных сил врага провалилось, он решил взять защитников Малой земли измором, перенеся центр тяжести боевых действий на море. Гитлеровское командование направило в район Мыс-хако десятки торпедных и сторожевых катеров и подводные лодки. Они должны были во что бы то ни стало прервать единственную морскую дорогу, которая связывала этот береговой плацдарм с Большой землей. Военно-морские силы врага поддерживала с воздуха его авиация.

Все лето 1943 года защитники Малой земли вели упорную позиционную войну с противником на суше, а в это

же время на море корабли Черноморского флота отражали настойчивые попытки врага сорвать снабжение войск, оборонявших мысхакский плацдарм. Немало героических подвигов совершили в этих морских схватках отважные черноморцы.

Сторожевой катер 065 сопровождал на Мысхако транспортное судно с бензином и боеприпасами. По пути корабли подверглись атаке с воздуха. Старшина 2-й статьи Григорий Куропятников не отходил от пулемета, ведя огонь по врагу и мешая фашистским пилотам точно пикировать на цель. Осколком снаряда его ранило. Мужественный пулеметчик не выпустил из рук оружия. Но вот другой снаряд зажег сложенные на палубе дымовые шашки. Пламя вспыхнуло и змейкой поползло к корме, где находились бомбы. Куропятников потерял много крови. Силы оставляли его. Но он сумел, задыхаясь от едкого дыма, приблизиться к загоревшимся дымовым шашкам, перегрыз зубами закреплявший их трос и сбросил их за борт. Взрыв бомб был предотвращен. Корабль спасен. Ценный груз доставлен на Малую землю. Старшине Куропятникову было присвоено звание Героя Советского Союза, а его катер стал гвардейским.

На флоте знали и другой катер, которым командовал старший лейтенант Владимир Федосеевич Школа. Свыше 30 тысяч миль прошел он в боевых походах, отконвоировал 184 транспорта.

Однажды катер Школы с двумя другими «морскими охотниками» шел к Малой земле. Вдруг показались восемь вражеских торпедных катеров. Старший лейтенант Школа принял смелое решение — атаковать врага. Вревели моторы. Наши катера ринулись вперед. Фашисты не выдержали. Повернув обратно, они рассеялись и стали уходить, прикрываясь дымовой завесой. Наши корабли открыли огонь. Меткими выстрелами комендоры Валев и Романов зажгли один из вражеских катеров. Через несколько минут он взорвался и затонул.

Более десяти раз катер старшего лейтенанта Школы встречался с вражескими кораблями на подступах к Малой земле. Как правило, противник старался уклониться от боя и уйти к своим базам или под прикрытие своих береговых батарей. Но порой дело доходило до ожесточенных морских боев. В одном из них наши моряки потопили еще один фашистский торпедный катер.

Гитлеровцам так и не удалось прервать сообщение мысхакского плацдарма с Большой землей. Снабжение советских войск, оборонявшихся на плацдарме, не прекращалось. В этом был залог успеха защитников Малой земли. Постоянно ощущали они отеческую заботу Родины, братскую помощь товарищей по оружию. Это укрепляло материальные силы их обороны и поддерживало их боевой дух.

Неприступной для врага твердыней стала узкая полоска побережья между разрушенной Станичкой и скалистыми обрывами Мысхако. Плацдармом славы явилась она для советских матросов и солдат, в течение семи месяцев отстаивавших ее от фашистских захватчиков.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Со смертью мы поспорим,
Пушкой умрут враги.
Идет пехота моря —
Чеканные шаги.
Нам в бой ходить не ново
И бить фашистский сброд.
Мы знаем лишь два слова:
«Победа» и «Вперед».

Песня морской пехоты

Минуло лето 1943 года. Отгремела великая битва на Курской дуге. Отзвучали торжественные салюты, которыми столица нашей Родины Москва приветствовала освобождение Орла и Харькова. Фашистские оккупанты были изгнаны из Донбасса. Могучий вал наступления Советской Армии неудержимо катился к Днепру. Под ударами наших войск гитлеровцы очистили северное побережье Азовского моря с городами Таганрог, Мариуполь, Осипенко.

Пришло время и для решительного удара по врагу на Северном Кавказе. Пора было раз и навсегда покончить с той группировкой немецко-фашистских войск, которая все еще удерживала плацдарм в районе Тамани и Новороссийска. Без этого нельзя было развивать дальнейшее наступление на юге, приступить к освобождению Крыма.

Прорвать прикрывавшую таманский плацдарм сильно укрепленную линию там, где она проходила по горам и кубанским плавням, было трудно. Командование решило нанести главный удар на крайнем правом фланге «Голубой линии», под Новороссийском, чтобы затем, развивая наступление в направлении Анапы, создать угрозу окружения всей таманской группировки врага.

Новороссийск был важнейшим опорным пунктом «Голубой линии». К осени 1943 года фашисты опоясали разрушенный город пятью рядами траншей, семью линиями

проволочных заграждений, сплошными минными полями. (Впоследствии в городе и в порту было обезврежено и подорвано около 32 тысяч противопехотных и противотанковых мин.)

В Новороссийске и окрестностях находилось три горнострелковых, одна пехотная и одна кавалерийская дивизии с артиллерией и специальными частями. Кроме того, на участке Южная Озерейка — Анапа находилась еще одна пехотная дивизия, которая также могла быть использована для обороны Новороссийска. В среднем на каждый километр фронта под Новороссийском враг имел от 600 до 1300 солдат и офицеров, от 40 до 60 пулеметов и от 10 до 25 орудий.

В этих условиях советские войска могли рассчитывать на успех только при содействии Черноморского флота. Решено было вновь высадить десант, причем на этот раз непосредственно в Новороссийском порту. Имелось в виду, что десантная операция начнется одновременно с переходом в наступление сухопутных войск на обоих берегах Цемесской бухты — от цементных заводов и с Малой земли.

Конечно, проникнуть с моря в самое логово врага нелегко. В гавань, отгороженную от моря каменной стеной мола, вели единственные входные ворота. Они были минированы и прикрывались опущенным в воду боно-тросовым заграждением. Десятки вражеских артиллерийских и минометных батарей располагались на молу, на пристанях, на городской набережной.

Осуществить дерзкий замысел прорыва в Новороссийский порт поручили морякам Черноморского флота, которым не впервые было решать подобные задачи. Для участия в операции было выделено более 100 малых кораблей. Среди личного состава более половины моряков являлись участниками прежних десантных операций.

Вместе с другими частями к высадке в Новороссийском порту был предназначен и 393-й отдельный батальон морской пехоты, основной костяк которого составляли куниковцы. Командовал батальоном заместитель и боевой соратник Цезаря Куникова — капитан-лейтенант Василий Ботылев.

В период подготовки к предстоящей операции на базе флота широко было развернуто изучение опыта героев Малой земли. По примеру куниковцев и другие подразделе-

ния морской пехоты тренировались в посадке на суда и высадке на берег в ночных условиях. Среди десантников распространялись памятки, инструкции, листовки. В одной из листовок политуправления Черноморского флота рассказывалось о славных боевых традициях куниковцев. Заканчивалась она обращением к бойцам батальона: «Вперед же, герои-куниковцы! Метко разите врага! С вами Куников, с вами Корницкий, с вами весь Черноморский флот...»

Подготовке к предстоящей операции было посвящено собрание партийного актива. Выступавшие говорили о важности передачи боевого опыта молодым бойцам. Заместитель командира батальона по политической части Старшинов позаботился о том, чтобы коммунисты и комсомольцы были равномерно распределены по подразделениям, чтобы в каждом из них имелись бойцы, знакомые с городом Новороссийском, знающие расположение портовых и промышленных объектов, направления улиц, их названия. По заданиям Старшинова агитаторы вели с бойцами беседы, используя примеры из боевой истории куниковского батальона и личной боевой практики. Так, коммунист Смержевский провел с молодыми бойцами беседу о высадке куниковцев в Станичке в ходе февральской десантной операции у Мысхако.

Готовились к новому боевому походу и бойцы 83-й бригады морской пехоты, той самой, которая в феврале одной из первых пришла на помощь куниковцам на Малой земле, а потом в тяжелых апрельских боях отстояла плацдарм от фашистских захватчиков.

Среди морских пехотинцев широко распространялась «Памятка бойцу десанта». В ней доходчиво, по-суворовски лаконично излагались основные правила, соблюдение которых обеспечивает успех десантной операции:

«Обеспечь скрытность и строгий порядок на корабле!

...Бдительно следи за противником!

...Не допускай паники на корабле!

...Береги оружие!

...При высадке десанта на берег действуй быстро и организованно!

...Как бы враг ни оборонялся, он должен быть уничтожен. Помни: враг не выдерживает дружного и смелого удара. От такого удара враг, будучи ошеломленным, бежит. На берегу используй любую складку местности,

огороды, сады, смело просачивайся в тыл врагу. Проявляй в бою инициативу и военную хитрость!

Слушай и точно исполняй приказания командира. Помни, что трус и паникер — предатели Родины. Двигайся только вперед!»

С волнением ждали десантники приказа о посадке на корабли. За два-три часа до посадки были проведены короткие митинги в частях морской пехоты, за час-полтора — такие же митинги личного состава на всех катерах и мотоботах. Немногословны были речи. Единодушны решения. Они звучали как клятва. Каждый скреплял их своей подписью.

В ночь на 10 сентября 1943 года корабли десантных отрядов вышли в море. С вечера светила луна. Ветер был слабый. Точно в назначенный срок подошли к Цемесской бухте. Наши самолеты, летая намеренно на небольшой высоте, отвлекали внимание противника и заглушали шум моторов подходивших кораблей.

В 2 часа 45 минут грянули залпы советской артиллерии с берегов Цемесской бухты. Пятнадцать минут продолжалась мощная артиллерийская «обработка» переднего края обороны врага. За двадцать минут до начала высадки десанта наша авиация нанесла бомбовый удар по штабам и огневым точкам противника.

Подойдя к молу, катера выпустили торпеды. Несколько находившихся там вражеских батарей были выведены из строя.

Наступил решающий момент. Для того чтобы прорваться в гавань, надо было подорвать боновые заграждения — подвешенный на буйках под водой стальной трос. Условились, что после подрыва бонов идущим впереди катером следующий за ним катер лейтенанта Крылова подаст световой сигнал, что путь свободен.

Но, когда пламя от взрыва торпед осветило ворота в гавань, Крылов убедился, что впереди никого нет и буйки боновых заграждений по-прежнему покачиваются на волнах. Это означало, что змея стального троса обовьется вокруг винта любого корабля, который попытается войти в ворота гавани.

Тщетно вглядывался в разрываемую вспышками выстрелов почную тьму лейтенант Крылов. Нет, другого катера впереди не было. То ли он сбился с курса, то ли был поврежден вражеским снарядом или миной.

Но ждать было нельзя ни минуты. Парторг бригады торпедных катеров Иван Крылов хорошо знал, что успех десантной операции зависит прежде всего от быстроты действий, внезапности удара. Бывалый моряк, за год до того уведший из захваченного врагом Новороссийского порта плавучий кран, он был решительным и смелым командиром. И решение было принято.

Медленно, как бы ощупью, направился катер Крылова к боновому заграждению. Он шел на малом ходу, тщательно протраливая вход в ворота порта. А враг уже опомнился, и его батареи открыли яростный огонь по заранее пристрелянным целям у входа в гавань. Вода у бонов закипела от частых разрывов снарядов. С замиранием сердца смотрели моряки с других катеров, как проходил сквозь огненную завесу маленький катер. Один, а за ним и другой осколок царапнул отважного лейтенанта. Но он выполнил задачу по подрыву бонов, подвел свой корабль к стенке Западного мола, взобрался туда и дал условный световой сигнал: «Путь свободен!»

И сразу же устремилась в гавань группа торпедных катеров капитана-лейтенанта Африканова. При свете ракет и вспыхнувших пожаров моряки быстро находили намеченные цели. Грозные торпеды, обгоняя набегавшие на берег волны, неслись к пристаням и набережной, взрывая расположенные там вражеские укрепления.

Торпедный катер старшего лейтенанта Мелашенко первым ворвался в порт и выпустил две торпеды по Каботажной пристани. От их взрыва замолкли батарея и пулеметная точка противника, установленные на этой пристани. Всего торпедными катерами было уничтожено в порту 8 дотов и дзотов, повреждено 5 дотов и 4 дзота.

Лихие действия торпедных катеров облегчили подход к берегу сторожевых катеров, которыми командовал капитан 3-го ранга Сипягин.

Второй раз обеспечивал этот талантливый офицер высадку десанта в Цемесской бухте. В феврале он перебросил на Малую землю десантный отряд майора Куникова. Теперь должен был высадить прямо в Новороссийском порту куниковский батальон, которым командовал Василий Ботылев. Быстро ориентируясь в обстановке, Сипягин умело руководил действиями сторожевых катеров под перекрестным огнем врага. Не сбавляя хода, устремлялись

они к причалам. Казалось, еще минута — и разобьются об угол пирса. Но, искусно разворачиваясь, легкие корабли замирали на месте, и, пока пулеметчики вели шквальный огонь по врагу, десантники уже прыгали через борт. Начиналась высадка...

Огневая мощь обороны врага была подорвана, но еще не подавлена. Малым кораблям, ворвавшимся в гавань, приходилось действовать в трудных условиях, а их экипажам нести большие жертвы.

На катере старшего лейтенанта Глазунова от прямого попадания мины вспыхнул пожар. Корабль, охваченный пламенем, продолжал мчаться к берегу, как пылающий факел. Парторг Сапожников продолжал стрелять из пулемета до последней минуты. Он погиб вместе со своим кораблем, не переставая разить врага.

Сторожевой катер 064 попал под сильный огонь вражеских батарей. Большинство членов экипажа было ранено. Комендора Александра Федчука зацепила фашистская пуля. Несколько осколков впились в его тело. Он продолжал бить из своего орудия по огненным точкам противника. Вдруг сильный удар в лицо сбил его с ног. Разрывная пуля раздробила ему нижнюю челюсть.

Еще раз поднялся израненный комендор-коммунист. Опять заговорила пушка Федчука. Его пример воодушевил товарищей. К носовому орудью бросился матрос Ларионов, и оно вновь стало бить по фашистам вместе с пушкой Федчука. У штурвала встал младший лейтенант Семигласов, заменив убитого рулевого. Катер ожил и устремился к цели. Доблестные моряки продолжали вести бой, пока не выполнили поставленной перед ними задачи. За проявленное мужество комендор Александр Федчук был награжден орденом Красного знамени.

Тяжело пришлось экипажу катера, которым командовал старший лейтенант Ивип Алексеевич Хабаров. Корабль накрыли вражеские мины. Он загорелся и стал тонуть. Спасти его было невозможно. Командир приказал взять оружие и добираться до берега вплавь. Через минуту горсточка бойцов с автоматами в руках оказалась за бортом. Лишнюю одежду моряки сбросили, но гранаты и ножи на поясе оставили.

Плыть было трудно. А главное, ближайший участок береговой полосы был занят противником. Только ночная

тма позволила смельчакам добраться вплавь до пляжа. Когда вышли, обнаружили неподалеку вражеский дот. Хабаров разбил свой маленький отряд на четыре штурмовые группы и атаковал противника.

— Будем, братва, воевать теперь на суше! — сказал он.

Гитлеровцы не выдержали внезапной атаки черноморцев. Гарнизон дота был уничтожен. Первый успех ободрил и воодушевил смелых моряков. Группа Хабарова, действуя на берегу, уничтожила еще несколько огневых точек врага.

Отряд морской пехоты высаживается в Новороссийском порту.
Сентябрь 1943 г.

Во время одной из жарких схваток пуля пробила Хабарову руку. Заметив, что он ранен, к нему подскочил гитлеровский солдат и, прицелившись в грудь, крикнул: — Рус, сдавайс!..

У Хабарова был только пустой пистолет. Патроны он уже израсходовал раньше. Не долго думая, отважный черноморец ударом кулака вышиб из рук фашиста автомат, а потом ручкой пистолета повалил его.

Настал день. Укрываясь в руинах, нападая и отбиваясь, Хабаров со своими бойцами действовал в тылу

врага. Ночью они решили добраться вплавь через бухту до участка берега, занятого советскими войсками. Несколько часов пришлось плыть, скрываясь под воду от лучей прожекторов и ракет. Матросы помогли раненому командиру выдержать и это испытание. Иначе ему с перебитой рукой и невозможно было достигнуть цели.

За мужество и доблесть старший лейтенант Хабаров был награжден орденом Александра Невского.

Одним из первых ворвался в порт катер, которым командовал старший лейтенант Флейшер. Но, преодолевая завесу вражеского огня, он получил тяжелые повреждения. Замолк средний мотор. Вышли из строя вспомогательные механизмы. Вода с треском проломила переборки, хлынула в кормовые отсеки. Но командир катера коммунист Флейшер продолжал вести полузатопленный корабль прямо к берегу. Командор Паниш первым выскочил на прибрежные камни. Приняв брошенный с катера конец, он закрепил его на берегу, а сам вернулся на катер и вновь припал к пулемету.

Несколькими очередями Паниш прочесал ближайший участок берега. Под прикрытием огня его пулемета стали высаживаться десантники.

— За мной! — с этим возгласом прыгнул за борт капитан-лейтенант Ботылев. За ним покинули катер все 37 бойцов куниковского батальона, находившиеся на палубе.

С берега уже слышался треск их автоматов. С палубы, не умолкая, стучал пулемет Паниша. А катерники, стоя по грудь в воде, заделывали пробоины и отливали воду. Они словно не замечали ни грохота близких разрывов, ни свиста и шипенья осколков и пуль, падавших вокруг них.

— Спасти родной корабль во что бы то ни стало! — эта мысль овладела ими безраздельно. Они добились своего: катер был спасен и вернулся на базу.

В первую же ночь, еще до рассвета, удалось высадить три десантных отряда: один — на западном берегу бухты, в районе Холодильника, другой — на восточном берегу, возле Импортной пристани, третий — прямо в порту, а частью у входа в порт. Самое сильное сопротивление, естественно, встретили те десантники, которые высадились в порту, поблизости от Лесной пристани и железнодорожной станции.

37 куниковцев, высадившихся ночью в порту с полуза-топленного катера, сразу же атаковали противника. Капитан-лейтенант Ботылев решил овладеть стоявшим на пабережной каменным зданием портового клуба. В случае необходимости за его крепкими стенами можно было отбиться от фашистов, пока не придут на выручку другие десантные группы или части сухопутных войск.

Спотыкаясь в темноте о камни, проваливаясь в воронки, продираясь сквозь колючую проволоку, моряки двигались вперед.

Вот из мрака выступили очертания клуба. Кое-кто из десантников бывал здесь до войны и теперь узнал знакомый силуэт здания.

Но только приблизились — хлестнула в упор пулеметная очередь. Залегли. Осмотрелись. Опытный десантник старшина 1-й статьи Сергей Колот метнулся в сторону. Прижимаясь к земле, пополз по-пластунски. Скрылся во мраке. Товарищи поняли и вели перестрелку, отвлекая врага.

Минута, две, три... И вдруг впереди тьму разорвало пламя. Грохнул взрыв. Колот метко поразил пулеметный расчет гранатой. Один фашист упал замертво, двое с воплями кинулись прочь. Колот бросился к пулемету, повернул его, полоснул огнем вслед бежавшим гитлеровцам. Расчистил путь товарищам.

Поднялись в рост куниковцы. Все как один — к зданию клуба.

А из черных глазниц выбитых окон клуба — вспышки выстрелов, треск автоматов.

Первым подскочил Колот. Гранату — в окно. Еще гранату — в другое. Сгоряча не заметил, что самого ужалила пуля. Скрипнул с досады зубами. Вытер кровь. Перевязывать некогда. Так и продолжал биться с врагом раненый. Вместе с подоспевшими товарищами ворвался в клуб.

Страшной была эта ночная схватка в темных комнатах и на лестницах клуба. Лицом к лицу, грудь с грудью с невидимым врагом. Гитлеровцы оборонялись отчаянно. Но неудержим был натиск куниковцев. Быстро овладели они всем зданием, уничтожив более сотни фашистов. А когда забрезжил рассвет, убедились, что попали в окружение. Справа — в стороне цементных заводов и слева — на Малой земле сражение разгоралось с нарастающей си-

лой. Советские войска прорезали укрепленную оборону врага. Но высаженные ночью в порту десантные группы соединиться не смогли и вели бои порознь.

Три десятка моряков, овладевших клубом, оказались в осаде. Ботылев распределил их по комнатам, приказав занять круговую оборону. Но людей не хватало. А вскоре их стало еще меньше — появились убитые, раненые. И, когда гитлеровцы вновь пошли в контратаку, некоторым бойцам приходилось менять позицию, переходя от одного окна к другому, чтобы помочь товарищам.

Был с Ботылевым прославленный снайпер Филипп Карпович Рубахо, который отличился еще в феврале на Малой земле. К сентябрю 1943 года на его счету было 276 гитлеровцев. Кроме того, гранатами он уничтожил шестиствольный миномет, три пулеметных точки и один дзот. Оказавшись теперь с товарищами в осажденном клубе, Филипп Рубахо также без промаха разил врага. То и дело его звали бойцы:

— Рубахо, давай сюда, видишь перебегают...

— Рубахо, смотри в окно!

И меткий стрелок, перебегая из комнаты в комнату, бил по фашистам. 47 истребленных гитлеровцев добавил он к списку уничтоженных ранее. При этом 20 последних он поразил, будучи сам раненым.

Десантники организовали круговую оборону. Парторг батальона Терещенко с группой бойцов оборонял первый этаж, забаррикадировав окна и двери. Наверху, на втором этаже, расположились пулеметчики с парторгом роты Беньковским.

Несколько раз подходили к зданию клуба вражеские танки. Метко били по ним из противотанковых ружей моряки Владимир Соловьев, Григорий Гунько, Павел Журавлев. Из двенадцати танков шесть были подбиты, остальные вернулись назад.

Медсестра Надя Лихацкая перевязывала раненых. Не хватало медикаментов. Потом не стало даже воды. В сумерках кто-то из разведчиков сообщил, что на цементном полу одного из помещений в соседнем доме сохранилась лужа грязной воды. С опасностью для жизни бойцы носили котелками эту затхлую воду. Надя фильтровала ее через марлю, хлорировала.

Так держались пять суток, пока врагам не удалось поджечь клуб. Тогда пришлось пробиваться, чтобы

укрыться в соседних зданиях. Внимание фашистов отвлекали своим огнем трое оставшихся в клубе моряков.

На другой день, 16 сентября, дождавшись подкрепления, наши бойцы вновь заняли клуб. На почерневшей от дыма стене одной из комнат увидели надпись:

Уличные бои в Новороссийске. Минометчики ведут огонь.
Сентябрь 1943 г.

— Здесь сражались куниковцы!

На крыше полусгоревшего дома нашли лежавшего без памяти раненого матроса Писаренко. Это был один из трех, что остались здесь накануне. Двое погибли смертью храбрых.

Другая группа куниковцев высадилась на территории порта во главе с командиром роты капитаном-лейтенантом Райкуновым. Всего в ней в момент высадки насчитывалось 65 человек. Еще ночью они прорвались к

железнодорожной станции. Старшина Кирилл Дибров с несколькими бойцами проник в здание пассажирского вокзала, но противник упорно сопротивлялся, не желая уступить этот важный объект.

В разгар боя старшина 2-й статьи коммунист Сморжевский поднялся на крышу здания и водрузил над вокзалом советский военно-морской флаг. Райкунов поднял свою роту в штыки, и вскоре все помещения вокзала были в наших руках.

За проявленное геройство офицерам флота Ботылеву и Райкунову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Взвод куниковцев высадился у Импортной пристани. С боем пробивались десантники к цементному заводу. Неожиданно наткнулись на минное поле. Обойти его было невозможно. Но медлить было нельзя. Враг усиливал огонь.

Матрос Иван Прохоров приподнялся и просто сказал: — Я, наверно, погибну, ребята. Считайте меня коммунистом.

И еще не все поняли, что задумал он сделать, как Прохоров бросился вперед на заминированное проволочное ограждение. Грянул взрыв. Герой погиб, уничтожив преграду, мешавшую продвижению его товарищей.

Так сражались с врагом герои Малой земли.

Части сухопутных войск Советской Армии начали наступательные бои под Новороссийском 10 сентября, одновременно с высадкой десанта. Но, несмотря на непрерывные атаки укрепленных вражеских позиций, продвинуться вперед в течение дня им не удалось. Только на другой день, 11 сентября, сухопутные войска смогли прорвать оборону противника и соединиться с десантным отрядом, отбившим к тому времени у врага цементный завод «Пролетарий».

Но группы десантников, высаженные непосредственно в Новороссийском порту, оставались по-прежнему отрезанными от главных сил и продолжали вести бой в окружении.

Большую помощь оказывали им летчики 11-й штурмовой авиадивизии Героя Советского Союза подполковника Губрий. Вылетая по шесть-восемь раз на штурмовку, они точными ударами с воздуха поражали танки и пехоту врага. Только за один день ими было уничтожено 4 танка,

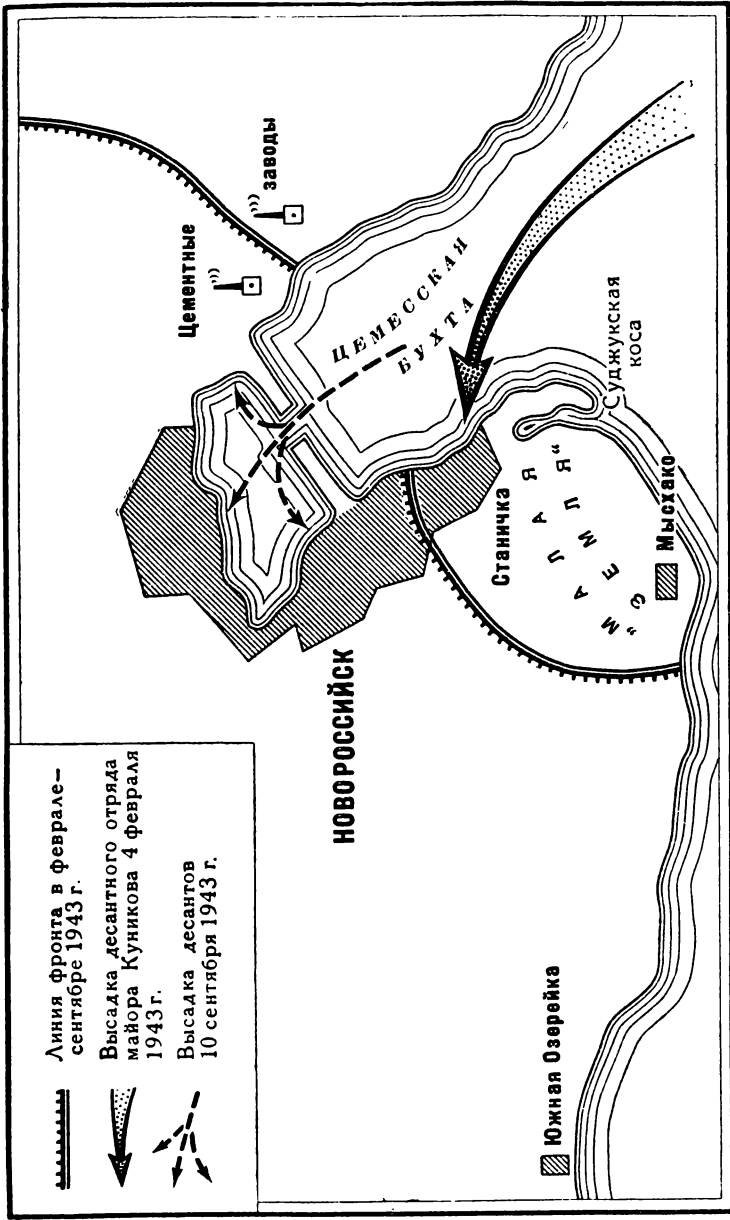

Схема десантных операций в районе Новоросси́йска (февраль – сентябрь 1943 г.)

28 автомашин и около 600 гитлеровских солдат и офицеров. Кроме того, летчики сбрасывали окруженным морякам мешки с боеприпасами, продовольствием, медикаментами.

Наконец, была прорвана оборона врага у цементных заводов. В прорыв на выручку десантным отрядам вошли 55-я Иркутская стрелковая дивизия генерал-майора Аршинцева и 5-я гвардейская танковая бригада полковника Шуренкова. Затем нанесли удар противнику войска, действовавшие на Малой земле. Бойцы 83-й краснознаменной бригады морской пехоты подполковника Козлова овладели руинами Станички и ворвались в центральную часть города. Теперь исход борьбы за Новороссийск был предопределен. Избегая окружения, гитлеровцы поспешно стали покидать город.

К 10 часам утра 16 сентября 1943 года Новороссийск был освобожден. Одновременно закончилась 225-дневная эпопея героической обороны Малой земли.

С падением главного бастиона вражеской обороны была решена судьба и всей «Голубой линии». Вскоре она рухнула под сокрушительными ударами Советской Армии. К 9 октября был очищен от врага весь Таманский полуостров.

Семимесячная оборона Малой земли и сентябрьская десантная операция в Новороссийском порту вошли в золотой фонд истории советского военного искусства, показали образец боевого взаимодействия сухопутной армии, флота и авиации.

В обороне Малой земли и в боях за освобождение Новороссийска советские воины проявили замечательное боевое мастерство, высокое мужество и беспримерную отвагу.

Есть в Новороссийске в центре города широкая площадь. Высятся посреди нее строгий обелиск. Пламенеют вокруг него яркие цветы — канны. Асфальтовые дорожки бегут к парапету набережной, где тихо плещутся морские волны.

Площадью Героев называют это место. Спят здесь вечным сном Цезарь Куников, Николай Сипягин и те их боевые соратники, которые отдали жизнь за освобождение Новороссийска, за честь и независимость нашей Родины.

Если стать возле обелиска, виден большой промышленный город и порт, полукольцом опоясывающий бухту. Не легко было воссоздать его из руин, поднять из развалин. Но теперь уже всюду высятся новые красивые здания. Вьются ленты дыма из труб цементных заводов. Снуют у причалов маленькие буксиры. Тянутся вверх железные руки порталных кранов. Живет полнокровной жизнью город рабочих и моряков. А из бухты выходят в открытое море большие корабли, и гордо реет над ними алый флаг великой Советской державы.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРОЗА НАД КАВКАЗОМ	5
БРОСОК НА МЫСХАКО	12
ПЛАЦДАРМ СЛАВЫ	25
ОСВОБОЖДЕНИЕ	39

Фадеев Анатолий Всеволодович
ГЕРОИ МАЛОЙ ЗЕМЛИ

Редактор Н. Полякова

Художественный редактор С. Сергеев

Технический редактор Ю. Мухин

Ответственный корректор А. Мочалова

**Сдано в набор 31 октября 1957 г. Подписано в печать
7 декабря 1957 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 1³/₄.
Услови. печ. л. 2,87. Учетно-изд. л. 2,51. Тираж 75 тыс.
экз. А 07579. Заказ № 5004. Цена 60 коп.**

**Государственное издательство политической
литературы.**

Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

**Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16,**

60 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1957